

Е Чжицю кивнул, выпрямился, взял молоко и стал читать, попивая его.

Цинь Цзяньхэ сел за свой стол, открыл бизнес-план в почте, посмотрел пару раз, но не удержался и снова поднял глаза, посмотрев на фигуру у окна.

Молодой человек был очень сосредоточен на чтении, его густые ресницы были слегка опущены, а белоснежные щёки казались ещё более нежными, чем молоко в стакане, что ещё больше подчёркивало черноту его ресниц и алость губ. Читая и одновременно попивая молоко, его движения были немного медленными, он часто подносил стакан к губам и долго не пил, даже не замечая, что испачкал губы молоком.

Цинь Цзяньхэ молча смотрел на него, сначала с улыбкой, потом с нежностью, а в конце концов его сердце загорелось. Он поджал губы, выпрямив уголки, и только спустя некоторое время снова перевёл взгляд на экран компьютера.

В кабинете было очень тихо, можно было услышать падение булавки, лишь изредка раздавался стук клавиатуры Цинь Цзяньхэ и лёгкий шелест страниц, когда Е Чжицю переворачивал страницы.

Неизвестно, сколько времени прошло, парень почти дочитал вторую книгу, когда подошёл Цинь Цзяньхэ. Высокая фигура мужчины заслонила свет, полностью окутав его своей тенью.

— Хватит читать, — он наклонился и закрыл книгу Е Чжицю. — Одиннадцать часов, пора спать.

— Так быстро? — Тот посмотрел на часы.

Время, проведённое с Цинь Цзяньхэ, всегда пролетало незаметно. Сейчас действительно уже было одиннадцать часов.

— Дай мне дочитать эти несколько страниц, — сказал он и поспешно перелистнул страницы.

Видя это, Цинь Цзяньхэ сел рядом с ним и обнял его. Они вместе дочитали последние страницы манги, прижавшись друг к другу.

— Я читал это раньше, — закрывая книгу, Е Чжицю повернулся к Цинь Цзяньхэ. — Но прошло много времени, многое забылось, сейчас перечитываю и всё равно нахожу это интересным.

— Угу, — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него. — Юношеский пыл, когда бы ты ни оглянулся назад, он всегда будет казаться ценным.

Хотя он и не спрашивал, но Е Чжицю мог догадаться, что Цинь Цзяньхэ наверняка очень любил баскетбол, когда учился. Это можно было понять, просто взглянув на несколько пар его

лимитированных кроссовок.

Как Цинь Цзяньхэ играет в баскетбол... Е Чжицю невольно представил это в своей голове. Холодный и резкий юноша, несущийся по площадке, нисколько не заботясь о страсти или безумии других... Должно быть, это было очень круто.

Неосознанно он вспомнил, как Цинь Цзяньхэ тренировался в тренировочном зале. Должно быть, это было ещё и очень сексуально.

— Цинь Цзяньхэ, — Е Чжицю вспомнил кое-что. — Через пару дней я должен вернуться в зал боевых искусств и начать тренировки.

— О? — Цинь Цзяньхэ, который держал его за руку и собирался встать, остановился и тихо рассмеялся.

— Что? — усмехнулся он. — Учитель Е решил послушать моего совета и начать заниматься спортом?

Услышав это, Е Чжицю на мгновение замер, а затем понял, о чём идёт речь.

— Эй, Цинь Цзяньхэ, — с упрёком произнёс он.

Но Цинь Цзяньхэ обхватил его за талию, не давая пошевелиться. Парень перестал сопротивляться, откинулся на плечо любовника и посмотрел на него. Только он собрался продолжить возмущаться, как тот наклонился и прикусил его губы.

— Эй, — Е Чжицю невнятно усмехнулся, но Цинь Цзяньхэ заглушил его смех поцелуем.

Чёрт, каждый раз, когда он хотел возразить, мужчина оказывался хитрее. Они ещё долго возились наверху, пока Е Чжицю окончательно не выдохся.

В итоге, хотя в эту ночь ничего и не произошло, юноша даже не успел пожаловаться, как уснул, уткнувшись в шею Цинь Цзяньхэ. Слабый свет бра убаюкивал, падая на его спящее лицо и окрашивая его белоснежную кожу тёплыми оттенками. Цинь Цзяньхэ поднял руку и легонько коснулся его густых, опущенных ресниц. Казалось, просто объятия Е Чжицю наполняли его счастьем и умиротворением, ему не хотелось закрывать глаза и засыпать.

Кончики пальцев скользили по нежной, гладкой коже, наконец, остановившись на мочке уха. Цинь Цзяньхэ легонько потёр её. У Е Чжицю была тонкая кожа, и нежная плоть быстро порозовела.

Цинь Цзяньхэ улыбнулся, вспомнив, как Е Чжицю сегодня смотрел на рамку с розами. Он был

немного надутым, но ничего не сказал.

Улыбка в его глазах стала ещё ярче, и он слегка наклонился, целуя молодого человека в макушку.

— Спокойной ночи, Е Чжицю, — сказал он и выключил бра.

Комната погрузилась в темноту, и Цинь Цзяньхэ инстинктивно обнял Е Чжицю крепче.

В этот момент воцарилась тишина, и в его мире существовал только Е Чжицю.

...

В половине седьмого утра зазвонил будильник Е Чжицю. Он сонно открыл глаза и обнаружил, что Цинь Цзяньхэ уже ушёл.

Сегодня понедельник, его первый рабочий день после возвращения из-за границы.

Е Чжицю встал, оделся и вышел из комнаты, услышав лёгкий шум из кухни. Он не стал сразу идти туда, а открыл свой чемодан и достал два набора инструментов.

— Встал? — раздался сзади голос Цинь Цзяньхэ. Увидев, как он вытаскивает два небольших железных ящика, он поднял брови. — Для друга?

— Один набор для меня, оставлю дома, — ответил Е Чжицю. — А другой для старшего, сегодня возьму к себе, а днём, когда поеду в университет, отдам ему.

— Оставь, — сказал Цинь Цзяньхэ. — Позже положу в машину, а когда приедем в компанию, переложу в твой багажник.

— Тогда я дам тебе ключи от машины, — сказал Е Чжицю, наклонился и снял ключи, протягивая их Цинь Цзяньхэ.

Тот взял ключи.

На утреннем совещании в понедельник нужно было обсудить проект крупного проекта, поэтому ему нужно было уходить пораньше, и завтрак он приготовил простой. Он отварил двух крабов, сварил золотистую, ароматную рисовую кашу и пожарил два яйца.

Выходя из квартиры, Цинь Цзяньхэ взял Е Чжицю за запястье и поправил ему воротник. Лифт остановился на первом этаже, и они разошлись.

У Е Чжицю утром не было особых планов, ему не нужно было спешить. Он сначала вернулся к себе домой, чтобы забрать машину.

Цинь Цзяньхэ же спустился на подземную парковку, чтобы взять машину и поехать на работу.

Выйдя из жилого комплекса, Е Чжицю ответил на звонок. Звонил Ци Синь. Судя по голосу, ему стало немного лучше, но он всё ещё покашливал.

— Сяо Цю, — сказал он, — мы можем сегодня встретиться? Я сейчас недалеко от твоего дома...

Е Чжицю на мгновение растерялся, подумав, что Тан Лэ или Тао Жоцин сообщили Ци Синю адрес его новой квартиры. Но тут тот сказал:

— Не волнуйся, я не у твоей двери, а на перекрёстке в конце дорожки, ведущей от твоего дома. Твой папа меня не увидит.

Е Чжицю на секунду замолчал.

— Ты выписался? — спросил он.

— Выписался вчера вечером, но не хотел беспокоить тебя, поэтому не стал звонить, — сказал Ци Синь, стараясь звучать как можно более разумно.

— О, — тихо усмехнулся Е Чжицю. — Ци Синь, забыл тебе сказать, я только что съехал от семьи Е.

Наступила тишина, Ци Синь словно не понял, переспросил:

— Что?

— Я переехал, — повторил Е Чжицю. — На самом деле, хотел сказать тебе раньше, но тут позвонил твой папа, да и ты заболел, так что я решил не говорить.

Услышав, как юноша упомянул Ци Жуйчана, и вспомнив его отношение, Ци Синь почувствовал себя неловко.

— Извини, — сказал он. — Мой отец был неправ, я уже поговорил с ним, и он больше не будет вмешиваться в наши дела.

Е Чжицю усмехнулся, словно наконец-то удовлетворённый.

— Вот и хорошо, — сказал он, помолчал и снова позвал: — Ци Синь.

Е Чжицю редко бывал таким нежным, и, услышав своё имя из его уст, Ци Синь почувствовал, как у него екнуло сердце.

— С детства мама меня баловала, я никогда не испытывал трудностей дома, — продолжил Е Чжицю, — и тем более не собираюсь терпеть их где-то ещё.

Ци Синь уже понял, к чему он клонит, и промолчал.

— Я люблю тебя и готов ради тебя на многое, это моё дело, — усмехнулся Е Чжицю с лёгкой прохладой в голосе, — но это не значит, что я позволю кому-то унижать меня и относиться ко мне как к прислуге. Думаю, это стоит знать и тебе, и твоему отцу.

— Я знаю, знаю, — тут же заверил его Ци Синь. — Я всё ему объясню.

— Просто объяснить недостаточно, — сказал Е Чжицю. — Нужно, чтобы твой отец понял, что ваша семья, породнившись с семьёй Е, сделала большой шаг вперёд, а ты, связавшись со мной, сделал ещё больший.

Он усмехнулся и вдруг спросил:

— Ты думаешь, Гао Вэнье почему выбрал Е Чжися?

— Чтобы изменить своё низкое происхождение. — Ци Синь не любил актера и, естественно, не стал бы говорить о нём что-то хорошее.

— А ты знаешь, что твоя семья даже хуже, чем семья Гао Вэнье? — Е Чжицю усмехнулся. — Тот хотя бы смог своими силами закрепиться в индустрии развлечений, а ты, Ци Синь, без меня, ваша "Циюнь" всё ещё была бы никому не известна.

Его голос был полон сарказма и презрения, но каждое произнесенное слово было правдой. Самолюбие Ци Синя было сильно задето, он на мгновение замолчал, но невольно сжал телефон.

— Даже Гао Вэнье ради изменения своего положения может вести себя угодливо, терпеть презрение и косые взгляды в семье Е. А твой отец... — Е Чжицю снова усмехнулся. — Лучше посоветуй ему сначала подумать над своим поведением, а потом, когда всё поймёт, пусть приходит ко мне и говорит о встрече.

Е Чжицю был просто невыносим. Даже если его отец сделал что-то не так, не стоило так унижать и оскорблять его? Более того, это был его отец, а Е Чжицю не проявил к нему ни

капли уважения. Эти слова были оскорблением не только его отца, но и его самого... Ци Синь затаил дыхание, он почти слышал, как скрипят его зубы. Но, услышав последнюю фразу, он бессильно сник.

— Он уже всё понял, — сказал Ци Синь через некоторое время, его голос сопровождался сильным кашлем, он звучал очень жалко. В любом случае, сначала нужно успокоить Е Чжицю, а с отцом они как-нибудь сами разберутся.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Е Чжицю.

— Сяо Цю... — Ци Синь только начал называть Е Чжицю по имени, как тот его перебил.

— Сегодня я иду на работу, — сказал парень. — У меня всё распланировано, давай завтра.

Е Чжицю согласился на встречу, и Ци Синь наконец-то вздохнул с облегчением.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра я заеду за тобой.

Е Чжицю больше ничего не сказал и повесил трубку.

Вопросом Ци Жуйчана Е Чжицю был готов заниматься всю жизнь. И чем мельче будет замят инцидент, тем сильнее будет чувство стыда у другой стороны в такой ситуации.

Е Чжицю совершенно не возражал, если кто-то говорил, что он невоспитанный. Он просто хотел, чтобы Ци Синь и Ци Жуйчан чувствовали себя неловко и униженно. Насколько высокомерными они были в прошлой жизни, настолько униженными он сделает их в этой.

Повесив трубку, Е Чжицю с каменным лицом вошел в жилой комплекс, вернулся домой, переоделся и поехал в компанию.

Он так долго не был на работе, что у него накопилось много дел. Особенно у Чжан Лань было много документов и данных, которые требовали его внимания.

Зная, что Е Чжицю нужно идти на занятия во второй половине дня, девушка в обед купила два обеда в ресторане и принесла их наверх. Они с парнем кое-как перекусили в офисе и продолжили сверять данные. В два часа дня Е Чжицю посмотрел на часы, закрыл ноутбук, надел пальто и встал, чтобы спуститься вниз.

Только спустившись в подземный гараж, он вдруг вспомнил про те два набора инструментов. Он приехал позже, и, кроме того, Цинь Цзяньхэ наверняка был занят в понедельник утром, поэтому Е Чжицю не знал, вспомнил ли тот положить вещи обратно в его багажник. Он хотел сначала позвонить и спросить, но в итоге решил сначала проверить.

В его багажнике были аккуратно сложены два металлических ящика. На ящиках лежал леденец со вкусом персика, розовый, завернутый в прозрачную обертку, кристально чистый и очень красивый. Под конфетой была записка с размашисто написанными словами: «Е Чжицю, эта конфета немного похожа на тебя».

Е Чжицю поджал губы, ему показалось это немного слащавым, он невольно хотел выругаться, но в то же время не смог сдержать улыбки. Он взял конфету в руку, положил в карман пальто, затем достал телефон и отправил сообщение Цинь Цзяньхэ.

Один лист знает осень: "господин Цинь, вы обычно так ухаживаете за мальчиками? Но одной конфеты недостаточно, чтобы завоевать сердце."

<http://bllate.org/book/14243/1258139>